Судебное правоприменение как пространство поиска меры между формой и содержанием

Васяев Александр Александрович
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени П. А. Лупинской Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), AAVASYAEV@msal.ru.

В работе рассматривается деятельность суда, как институционально оформленного способа отыскания меры, связывающей нормативную форму с фактической, ценностной и смысловой стороной юридического спора. Исследование нацелено на обоснование философско-правового понимания судебного решения как результата не механического подведения установленного обстоятельства под норму закона, а рационально ограниченного соотнесения нормы закона и обстоятельств по делу. Показано, что форма в судебном правоприменении выступает не внешней оболочкой содержания, а способом его юридической организации; содержание, в свою очередь, не может быть признано правовым вне процедурной формы, обеспечивающей проверяемость, равноправие сторон и мотивированность вывода. Автор доказывает, что мера задает внутреннюю границу для двух крайностей: формализма, при котором правосудие растворяется в процедуре, и материально ориентированного подхода, при котором ради результата ослабевают законность и правовая определенность. Итоговый тезис состоит в том, что судебное правоприменение целесообразно трактовать как поле обоснованного соединения формы и содержания, где мера служит предпосылкой легитимности судебного акта, стабильности практики и справедливости судебной защиты.

Ключевые слова: мера; судебное правоприменение; философия права; соотношение формы и содержания; судейское усмотрение; судебное решение; правовая определенность; правовая герменевтика.

Введение

Проблематика судебного правоприменения не сводится к вопросу о том, каким образом суд соотносит норму с установленными обстоятельствами дела. Если смотреть на нее с философско-правовых позиций, разговор идет об устройстве самого перехода от отвлеченного нормативного предписания к судебному акту. Оценивать такой переход к чисто логической операции не получается: судебное решение формируется внутри процессуальной формы, где взвешиваются сведения, доводы сторон и допустимые варианты толкования норм закона. Именно поэтому судебное правоприменение приходится разбирать через категории, причем форму и содержание следует учитывать не по отдельности, а в их нормативной взаимосвязи.

В судебном правоприменении форма задаёт то, каким образом раскрывается юридически значимое содержание; от неё же зависят подсудность, очерёдность процессуальных действий, юридическая сила доказательств, пределы рассмотрения спора и выстраивание мотивировочной части судебного решения. Вместе с тем содержание дела не следует рассматривать как инертный материал, который попросту укладывается в готовую схему рассмотрения дела. Обстоятельства спора, сила публичного интереса, равно как и неясность нормы, сами воздействуют на то, каким образом применяется форма, и тем самым проясняют её смысл и пределы. Говоря иначе, применение права судом оборачивается тем процессуальным пространством, где отыскивается мера, соединяющая определённость нормы с содержательной уместностью принимаемого решения.

Значимость проблемы возрастает на фоне перемен, происходящих в судебной практике, законодательстве и юридической доктрины. Процедуры становятся все более дифференцированными, судопроизводство переходит в цифровые формы, роль судебной практики растет, а нормативный массив усложняется – все это заставляет искать способ удержать устойчивость формы, не превращая правосудие в формализм. Вместе с тем встает и противоположная задача: стремление к материальной справедливости не вправе подрывать законность, равенство сторон и предсказуемость судебных решений. Поэтому для изучения судебного правоприменения необходима категория, описывающая не уступку одной стороны другой, а внутренне обоснованную правовую пропорцию формы и содержания.

Эту роль выполняет мера. С философской точки зрения она означает не усредненную точку между противоположностями, а условие, при котором явление удерживает свое качество, хотя меняются его количественные, институциональные или смысловые характеристики. В сфере судебного правоприменения мера указывает на границу, в пределах которой процессуальная форма продолжает гарантировать действие права, а содержательная направленность решения сохраняет связь с нормой. Соответственно, если предметом настоящей статьи является судебное правоприменение как пространство указанного поиска меры, то ее цель состоит в выявлении философско-правовых условий, при которых судебный акт приобретает качество законного, обоснованного, мотивированного и справедливого решения.

В рамках данной проблематики методологически значимо обращение к классической логике формы, содержания и меры. Гегелевское понимание меры как единства качественной и количественной определенности позволяет рассматривать судебное правоприменение не как внешнее соединение процедуры и результата, а как процесс, в котором изменение степени формализации способно изменить само качество правосудия [7]. Тем самым философская категория меры выступает не отвлеченным понятием, а инструментом анализа правовой деятельности, где чрезмерное усиление одного элемента разрушает нормативную функцию другого.

Основная часть

Судебное правоприменение является особым видом деятельности, поскольку его результат выражается в акте публичной власти, имеющем индивидуально-определенный характер и претендующем на окончательное разрешение правового конфликта. Современные теоретические исследования подтверждают требования того, чтобы судебное правоприменение было связано с должной

квалификацией участников процесса, надлежащим установлением обстоятельств дела и вынесением обязательного справедливого решения [4]. Однако для философии права принципиально важно, что эти элементы не существуют обособленно. Они образуют единую структуру, в которой форма задает юридический порядок рассуждения, а содержание определяет предметную направленность такого рассуждения.

В общей теории права правоприменение традиционно рассматривается как властная индивидуализация правовой нормы. С. С. Алексеев связывал применение права с переводом общего правового регулирования в индивидуальное предписание, рассчитанное на конкретную жизненную ситуацию [1]. Такая индивидуализация не является произвольным дополнением нормы фактическими обстоятельствами; она предполагает преобразование факта в юридически значимое обстоятельство, а общего правила – в мотивированное решение. Выходит, что форма и содержание в деятельности суда взаимно друг друга опосредуют.

Следует констатировать, что до сегодняшнего дня методологическую значимость сохраняет еще античная постановка вопроса о справедливом применении общего правила. Аристотелевское учение об эпиейкии показывает, что общее предписание не всегда способно без остатка охватить особенности конкретного случая [2]. Однако из этого не следует признание свободного отступления от закона. Напротив, речь идет о таком уточнении правового смысла, при котором конкретизация нормы остается адекватной ее назначению. В судебном правоприменении этот подход позволяет отличать содержательно обоснованное толкование от подмены закона субъективной оценкой суда.

В свою очередь, кантовское понимание права как формы совместимости внешней свободы лиц позволяет уточнить пределы судебного усмотрения. Суд не только разрешает спор, но и восстанавливает правовую форму взаимодействия субъектов, нарушенную конфликтом притязаний. Поэтому судебное решение должно быть построено таким образом, чтобы свобода одной стороны не утверждалась вне соотнесения со свободой другой стороны и с общим правовым порядком [10]. Мера здесь проявляется как требование институционального равенства: содержание решения не может быть признано справедливым, если оно достигнуто путем ослабления формы, обеспечивающей равное процессуальное положение участников по делу.

Герменевтическая сторона вопроса связана с тем, что применение права неизбежно предполагает обязательное понимание смысла нормы. По мысли Гадамера, понимание, толкование и применение составляют единство, а потому смысл нормы не дан заранее как завершенный итог, существующий до конкретного дела [6]. Для судебной практики отсюда вытекает, что содержание закона раскрывается в ходе обоснованного применения к фактическим обстоятельствам. При этом такое раскрытие не равнозначно произвольному правотворчеству суда. Оно ограничено языком закона, системными связями нормы, отраслевыми принципами и процессуальным порядком доказывания.

Важную роль играет разграничение правил и принципов. Как показал Р. Дворкин, рассуждение юриста в делах не исчерпывается механическим следованием правилам, ведь аргументация опирается и на принципы, обеспечивающие нормативную цельность решения [8]. Применительно к деятельности суда это значит, что судебный акт должен содержать не только указание на норму, но и пояснение, по какой причине избранное ее понимание согласуется с правовой системой. Содержание решения становится правовым лишь тогда, когда оно выражено в форме аргумента, допускающего рациональную проверку.

В то же время концепция толкования права, разработанная Г. Л. А. Хартом, позволяет избежать противоположной крайности, при которой неопределенность нормы отождествляется с произволом правоприменителя [18]. Наличие пограничных случаев не отменяет юридической связанности суда с нормой закона, моралью и этикой. Оно лишь выявляет необходимость мотивированного выбора внутри допустимого смыслового поля. Иными словами, судейская деятельность получает характер не свободного усмотрения вне формы, а институционально ограниченного определения содержания нормы в условиях неполной определенности правового текста.

Радбруховское соотношение справедливости, целесообразности и правовой определенности имеет непосредственное значение для анализа меры в судебном правоприменении [13]. Судебный акт должен отвечать требованиям определенности, поскольку неопределенное решение не способно стабилизировать правовые отношения. Вместе с тем определенность не должна подменять справедливость формальным воспроизведением текста. Целесообразность также не может быть признана самостоятельным основанием решения, если она выходит за пределы закона. Мера судебного правоприменения возникает при нормативной координации этих элементов.

П. Рикёр, в свою очередь, связывал справедливое с институциональной процедурой вынесения суждения, в которой конфликт притязаний получает публично обоснованное разрешение [14]. Применительно к суду это особенно важно: он не только устанавливает юридические последствия, но и поясняет участникам спора, почему принял одни доводы и отклонил другие. Потому мотивировка обладает самостоятельной, а не служебной ценностью с точки зрения философии права. В ней и становится заметно, как форма юридического рассуждения сопрягается с содержанием конкретного дела, – а это сопряжение и есть мера судебного решения.

Исследования судейского усмотрения подтверждают: мера не равна простому количественному ограничению судейских полномочий. Обычно усмотрение возникает, если закон оставляет несколько юридически допустимых вариантов, что связано с оценочными понятиями, неполнотой нормы или нетипичностью обстоятельств дела [3]. Но свобода выбора не освобождает суд от законности, от обязанности мотивировать решение и сделать его доступным для процессуальной проверки. Более того, чем больше простор для усмотрения, тем выше требования к аргументации, ведь лишь она отличает правовое решение от субъективного предпочтения.

Анализ границ судейского усмотрения свидетельствует, что они не исчерпываются буквальным текстом закона [5]. В их число входят цель нормы, правовые принципы, стабильность судебной практики, недопустимость произвольно разного подхода к схожим ситуациям и необходимость принимать во внимание фактические особенности спора. По этой причине содержание судебного решения неотделимо от формы, в которой оно обосновано. Когда решение не раскрывает, каким образом суд пришел от нормы к выводу, даже материально убедительный итог не отвечает юридическим требованиям.

Еще один аспект виден при обращении к правовой неопределенности. Неопределенность не всегда свидетельствует о недостатке регулирования: порой именно она дает возможность принять во внимание многообразие жизненных обстоятельств [21]. Вместе с тем использовать ее следует осмотрительно, так как избыточная открытость нормы делает судебную практику менее предсказуемой. Суд должен воспринимать неопределенность не как основание произвольно исправлять закон, а как поле для аргументации. Мера в данном случае заключается в том, чтобы учитывать обстоятельства дела, не теряя при этом нормативной устойчивости формы.

О невозможности свести судебное решение к простой формальной операции говорит и конкуренция правовых принципов. При столкновении нескольких принципов суд обязан установить, как они соотносятся в данной ситуации [22]. Причем объявить один из принципов приоритетным здесь недостаточно. Суд должен раскрыть, какие обстоятельства он счел юридически значимыми, насколько интенсивно затронуты интересы сторон и по какой причине избранный способ разрешения спора соразмерен. Лишь тогда содержательный выбор облекается в правовую форму.

Вместе с тем процессуальная форма сохраняет собственную ценность. В теории юридического процесса процессуальность понимается как особый порядок правовой деятельности, гарантирующий последовательность, компетентность и проверяемость властных решений [17]. Значит, в судебном правоприменении материально верный вывод неотделим от способа, которым он получен. Существенное нарушение процессуальных гарантий изменяет качество судебного акта, так как лишает его содержание требуемой публичной легитимации.

Этим и объясняется неизменный интерес процессуальной науки к гарантийной роли формы. В уголовном судопроизводстве форма сдерживает публичную власть, обеспечивает достоверность доказывания и охраняет участников процесса. В административном и гражданском процессе данная роль выражается по-другому, однако ее смысл остается прежним. Во всех случаях мера между формой и содержанием предполагает отказ как от абсолютизации формы, так и от восприятия процедуры как помехи, которую допустимо отбросить ради нужного итога.

Нарастающая дифференциация процессуальной формы еще больше усложняет проблему меры. Упрощенные порядки, особые производства и цифровые каналы взаимодействия действительно могут сделать правосудие доступнее и быстрее. При этом единство процессуальной формы по-прежнему обеспечивает общий для всех стандарт судебной защиты [12]. Следовательно, дифференциация приемлема лишь до тех пор, пока не задевает сердцевину права на судебную защиту: возможность быть выслушанным, предъявить доказательства, получить мотивированное решение и обжаловать его.

Требования, предъявляемые к решениям суда, свидетельствуют, что и промежуточные решения должны отвечать известной структуре – быть законными, обоснованными, мотивированными и исполнимыми [16]. Это обстоятельство важно для качественного философско-правового анализа, поскольку оно подтверждает, что форма судебного акта не является внешним оформлением уже принятого содержания. Через нее содержание и обретает бытие внутри правовой системы. Неполная мотивировка, отсутствие ответа на существенный довод сторон или неясность вывода нарушают меру между формой и содержанием не меньше, чем прямое отступление от нормы.

Исследования философского смысла гражданского процесса позволяют рассматривать судопроизводство как особую форму рациональной коммуникации, в которой правовой конфликт преобразуется в предмет аргументированного рассмотрения [20]. При таком подходе судебное правоприменение не ограничивается властным завершением спора. Оно включает институциональную процедуру выработки правового суждения. Поэтому мера между формой и содержанием должна оцениваться не только по результату, но и по качеству процессуального общения, по возможности сторон реально участвовать в формировании материала дела и по способности суда отвечать на значимые аргументы.

Цифровизация правосудия вносит в данную проблему новый уровень сложности. Электронные документы, дистанционное участие, автоматизация распределения дел и цифровые сервисы изменяют процессуальную форму. Вместе с тем цифровые технологии должны оцениваться не по самому факту внедрения, а по их влиянию на реальную возможность судебной защиты [15]. Если цифровая форма повышает скорость, но снижает понятность, доступность или состязательные возможности стороны, мера между формой и содержанием оказывается нарушенной.

Влияние цифровизации на гражданский и арбитражный процесс также свидетельствует о том, что новая процессуальная форма не может рассматриваться как простая техническая модификация прежней процедуры [11]. Изменение носителя, способа участия и режима представления и исследования доказательств затрагивает саму структуру судебного правоприменения. Поэтому цифровое правосудие требует сохранения тех признаков формы, которые обеспечивают правовое содержание решения: идентифицируемость участника, полноту доступа к материалам дела, равенство процессуальных возможностей и проверяемость судебного вывода.

Вопросы уголовного правоприменения в условиях цифровых перемен свидетельствуют о том, что технологическое обновление повышает запрос к правовой определённости и действенности судебных решений. При этом действенность не должна становиться самоцелью, отодвигающей процессуальные гарантии на второй план. Её разумнее понимать как часть меры правосудия, где скорость разбирательства, доступность процедуры и уровень судебной аргументации взаимно уравновешиваются и дополняют друг друга; в противном случае цифровые нововведения коснутся лишь внешней стороны процесса, а правовое качество итогового решения останется без надлежащих гарантий. [9]

Процессуалисты сегодня говорят о деритуализации и дематериализации правосудия, и эти явления требуют особо осторожного отношения к исходным началам судопроизводства. Уход от бумажных носителей и личного участия в суде не снимает необходимости в гласности, состязательности, непосредственности и мотивированности. Проявляться названные начала могут по-иному, но без них поменялась бы сама природа судебного правоприменения. Мера позволяет увидеть, где заканчивается допустимое обновление процессуальной формы и где начинается утрата её гарантийного предназначения [23].

Работы о цифровизации гражданского и административного процесса показывают: технологии призваны обслуживать процессуальную защиту, а не подменять её. Правоприменительную деятельность суда нельзя свести к алгоритму последовательных операций. Даже при активном использовании цифровых инструментов суд по-прежнему обязан вникать в существо спора, устанавливать юридически значимые обстоятельства и мотивировать выбор применяемой нормы. Соразмерность здесь выражается в том, что юридическое суждение удерживается внутри процесса, видоизменённого технологиями. [19]

Таким образом, судебное правоприменение – это сфера, где форма и содержание не противоборствуют, а непрерывно согласуются в надлежащих пропорциях. Форма устанавливает границы, вне которых содержание спора нельзя объективировать и проверить. Содержание же не дает форме воплотиться в замкнутую на себе процедуру, утратившую связь с восстановлением нарушенного права или разрешением юридического конфликта. Мера выражает условие, при соблюдении которого судебное решение сохраняет законность, обоснованность, мотивированность и справедливость одновременно.

С этой точки зрения поиск меры не привносится в судебную деятельность извне. Он образует ее внутреннюю логику, ведь суд сопоставляет текст нормы с обстоятельствами дела, требования процессуального закона – с целью судебной защиты, правовую определенность – с потребностью индивидуализации, а устойчивость практики – с необходимостью учитывать новые ситуации. Легитимность судебного решения обусловлена не предпочтением формы либо содержания, а тем, что оно демонстрирует поддающийся проверке способ их правового соединения.

Заключение

Судебное правоприменение не сводится ни к механическому наложению нормы на обстоятельства по делу, ни к сфере, где всё решается соображениями материально-правовой целесообразности. Перед нами институционально выстроенная деятельность, задача которой – отыскать соразмерность между формой и содержанием. За счёт формы достигаются правовая определённость, равенство сторон в процессе, проверяемость доказательств и публичная обоснованность судебного акта. Содержание же задаёт направление применения нормы, вынуждая принимать во внимание фактические обстоятельства дела и значимость правовых начал.

Через категорию меры обнаруживаются границы как формализма, так и антиформализма в судебном правоприменении. Формализм нарушает меру тогда, когда процедура утрачивает связь с задачей судебной защиты, а правовое содержание вытесняется внешним следованием правилам. Антиформализм выходит за её пределы в тех случаях, когда ради материальной справедливости ослабевают требования закона, процессуальной формы и мотивированности. В обоих случаях судебный акт перестаёт быть полноценным правовым суждением: либо содержание не получает действительной оценки, либо форма уже не выполняет роль юридического ограничителя.

Цифровизация, дифференциация производств и возросшая роль судебной практики придают категории меры особое методологическое значение. Она позволяет оценивать реформы правосудия не только по их скорости или организационной отдаче, но и по тому, сохраняется ли правовая природа судебного решения. Поэтому понимание судебного правоприменения как поиска меры между формой и содержанием стоит отнести к центральным проблемам современной философии права. Именно тут общее правило обретает индивидуальное воплощение, а юридическая форма подтверждает свою связь со справедливостью, правовой определённостью и ответственным суждением суда.

Литература

1. Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. 320 с.

2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.

3. Аубакирова-Тер-Григорян Н. М. Судейское усмотрение: понятие и существенные черты // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 8. С. 100-107.

4. Баматкириева С. Х. К вопросу о сущности и понятии судебного правоприменения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9. С. 20-22.

5. Берг Л. Н. Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект: монография. М.: Проспект, 2020. 128 с.

6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

7. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 1. Учение о бытии. М.: Мысль, 1970. 501 с.

8. Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 592 с.

9. Еременко В. М., Ляхова А. И., Першина Е. А. Проблемы уголовно-судебного правоприменения в условиях цифровой трансформации // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2025. Т. 50, № 4. С. 825-832.

10. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 6. М.: Чоро, 1994. С. 224-543.

11. Кондюрина Ю. А. Влияние цифровизации процессуальной формы на цивилистический процесс // Правоприменение. 2025. Т. 9, № 2. С. 140-147.

12. Кулакова В. Ю. Единство и дифференциация процессуальной формы // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 3. С. 109-119.

13. Радбрух Г. Философия права / пер. с нем. Ю. М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2004. 240 с.

14. Рикёр П. Справедливое / пер. с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого; послесл. Э. Шлоссер. М.: Гнозис: Логос, 2005. 304 с.

15. Розе М. А. Доступность правосудия в условиях его цифровизации // Российское правосудие. 2024. № 3. С. 14-26.

16. Терехова Л. А., Рябусова А. В. Требования, предъявляемые к определениям суда, в свете гарантий права на справедливое судебное разбирательство // Правоприменение. 2024. Т. 8, № 1. С. 73-81.

17. Теория юридического процесса / В. М. Горшенев, В. Г. Крупин, Ю. И. Мельников [и др.]; под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков: Вища школа: Изд-во при Харьк. ун-те, 1985. 192 с.

18. Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. с англ. ; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 302 с.

19. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова, А. В. Чайкина [и др.]; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 336 с.

20. Черных И. И. Философский смысл гражданского процесса // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 2. С. 97-103.

21. Шабетя И. В. Правовая неопределенность и перспективы ее использования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7. С. 81-83.

22. Шипунов И. В. Конкуренция принципов права в судебном правоприменении // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2024. № 22. С. 77-80.

23. Ярков В. В. Принципы гражданского процессуального права в условиях деритуализации и дематериализации правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 11. С. 3-6.

Judicial Law Application as a Space for Seeking the Balance Between Form and Substance

Vasyaev A.A.

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)

This paper examines the activity of the court as an institutionally established method of finding a «measure» that links the normative form with the factual, axiological, and semantic dimensions of a legal dispute. The study aims to substantiate a philosophical-legal understanding of the judicial decision not as the mechanical subsumption of an established fact under a legal rule, but as a rationally constrained correlation between the legal rule and the circumstances of the case. It is demonstrated that, in judicial law application, form acts not merely as an external shell for content but as the method of its legal organization; conversely, content cannot be deemed «legal» apart from the procedural form that ensures verifiability, equality of the parties, and the reasoned nature of the conclusion. The author argues that this «measure» establishes an internal boundary between two extremes: formalism, wherein justice dissolves into procedure, and a substantively oriented approach, wherein legality and legal certainty are compromised for the sake of the outcome. The concluding thesis is that judicial law application should be interpreted as a sphere where form and content are meaningfully integrated, with the «measure» serving as a prerequisite for the legitimacy of the judicial act, the stability of practice, and the fairness of judicial protection.

Keywords: measure; judicial law application; philosophy of law; relationship between form and content; judicial discretion; judicial decision; legal certainty; legal hermeneutics.

References

1. Alekseev S. S. Theory of Law. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: BEK, 1995. 320 p.
2. Aristotle. Works: in 4 vols. Vol. 4. Moscow: Mysl, 1983. 830 p.
3. Aubakirova-Ter-Grigoryan N. M. Judicial Discretion: Concept and Essential Features // Actual Problems of Russian Law. 2023. Vol. 18, № 8. P. 100-107.
4. Bamatkirieva S. Kh. On the Essence and Concept of Judicial Law Application // Law and State: Theory and Practice. 2024. № 9. P. 20-22.
5. Berg L. N. Judicial Discretion and Its Limits: A General Theoretical Aspect: Monograph. Moscow: Prospekt, 2020. 128 p.
6. Gadamer H.-G. Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics / trans. from German; gen. ed. and introd. art. by B. N. Bessonov. Moscow: Progress, 1988. 704 p.
7. Hegel G. W. F. Science of Logic: in 3 vols. Vol. 1. The Doctrine of Being. Moscow: Mysl, 1970. 501 p.
8. Dworkin R. Law's Empire / trans. from English by S. Moiseev. Moscow: Gaidar Institute Press, 2020. 592 p.
9. Eremenko V. M., Lyakhova A. I., Pershina E. A. Problems of criminal judicial law enforcement in the context of digital transformation // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2025. Vol. 50, № 4. P. 825-832.
10. Kant I. The Metaphysics of Morals // Kant I. Works: in 8 vols. Vol. 6. Moscow: Choro, 1994. P. 224-543.
11. Kondyurina Yu. A. The impact of the digitalization of procedural form on civil procedure // Law Enforcement Review. 2025. Vol. 9, № 2. P. 140-147.
12. Kulakova V. Yu. Unity and differentiation of procedural form // Actual Problems of Russian Law. 2024. Vol. 19, № 3. P. 109-119.
13. Radbruch G. Philosophy of Law / trans. from German by Yu. M. Yumashev. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2004. 240 p.
14. Ricœur P. The Just / trans. from French by B. Skuratov, P. Khitsky; afterword by E. Schlosser. Moscow: Gnozis: Logos, 2005. 304 p.
15. Roze M. A. Accessibility of justice in the context of its digitalization // Russian Justice. 2024. № 3. P. 14-26.
16. Terekhova L. A., Ryabusova A. V. Requirements for court rulings in light of the guarantees of the right to a fair trial // Law Enforcement Review. 2024. Vol. 8, № 1. P. 73-81.
17. Theory of Legal Process / V. M. Gorshenev, V. G. Krupin, Yu. I. Melnikov [et al.]; ed. by V. M. Gorshenev. Kharkov: Vyshcha Shkola: Publishing House of Kharkov University, 1985. 192 p.
18. Hart H. L. A. The Concept of Law / trans. from English; ed. by E. V. Afonasin, S. V. Moiseev. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2007. 302 p.
19. Digital Technologies in Civil and Administrative Proceedings: Practice, Analysis, Prospects / M. V. Samsonova, E. G. Streltsova, A. V. Chaikina [et al.]; ed. by E. G. Streltsova. Moscow: Infotropic Media, 2022. 336 p.
20. Chernykh I. I. The Philosophical Meaning of Civil Procedure // Actual Problems of Russian Law. 2024. Vol. 19, № 2. P. 97-103.
21. Shabetya I. V. Legal Uncertainty and Prospects for Its Use // Law and State: Theory and Practice. 2024. № 7. P. 81-83.
22. Shipunov I. V. Competition of Legal Principles in Judicial Law Enforcement // Altai Bulletin of State and Municipal Service. 2024. № 22. Pp. 77-80.
23. Yarkov V. V. Principles of Civil Procedural Law Amidst the Deritualization and Dematerialization of Justice // Arbitration and Civil Process. 2020. № 11. Pp. 3-6.